

ПИСЬМА ВАЛЕНТИНА КРИВИЧА К БЛОКУ

Предисловие, публикация и комментарии Р. Д. Тименчика

Валентин Иннокентьевич Анненский-Кривич (1880—1936) — сын И. Ф. Анненского — вошел в историю русской литературы не столько как поэт¹, сколько как автор воспоминаний о своем отце². Мемуары эти остались недописанными, и хотя имя Блока фигурировало в проспекте задуманной книги³, соответствующий раздел в архиве Кривича не обнаружен. Блок был знаком с Кривичем с середины 1900-х годов. Они встречались на вечерах у А. А. Кондратьева⁴, а в 1909—1911 гг. — на заседаниях Общества ревнителей художественного слова⁵. Близкого общения между ними не было, и судя по отсутствию автографа Блока в «Литературной тетради» Кривича, где представлены многие поэты начала века⁶, в сравнительно интимной обстановке им не приходилось сталкиваться (Кривич почти не был вхож в символистские кружки, предпочитая им «Ветера Случевского», которые, в свою очередь, игнорировались Блоком). Одной из последних встреч Блока и Кривича было совместное выступление на вечере Союза деятелей художественной литературы в театре «Гротеск» 24 марта 1919 г. (ЗК, 453)⁷. Стихи Кривича и его критические заметки (иногда подписанные «Вич») Блок знал еще по «Литературным приложениям к газете «Слово»», в которых в первой половине 1906 г. Блок и Кривич сотрудничали одновременно⁸.

Как поэт Кривич испытал несомненное влияние Блока — см., например, его стихотворение «Веселье»⁹. Поэт Борис Олидорт в письме к Кривичу писал: «Примите же мое горячее пожелание: преодолеть все влияния, пройти мимо А. Блока, Ф. Сологуба и др. и сделаться — Кривичем. . .»¹⁰.

Кривичу принадлежит выпуклая характеристика блоковской манеры чтения стихов как нового этапа декламационной традиции:

«Традиция старо-актерской декламации — всегда по строгим линейкам непогрешимого декламаторского транспаранта, с наигранным пафосом, замираниями и частыми «световыми эффектами» давно уже, конечно, отжила свой век; отжила его честно, и — почтим ее вставанием.

Прямой противоположностью ей явилась «белая» читка Блока. Да, именно — «белая». По-особенному прекрасная, по-особенному завораживающая, и только ему, исключительно ему одному, присущая. Я никогда не слышал, чтобы покойный поэт утверждал эту манеру как принцип, как особую школу. Он произносил свои стихи так, как говорил и вообще в жизни: бесстрастно, медленно, — я бы сказал, не совсем свободно, роняя слова. Когда я слушал Блока, мне всегда казалось, что поэт просто раскрывает перед нами одну из прекрасных страниц своих, предоставляя слушателям уже самим — буде им то угодно — творить здесь «декламацию». И вместе с этим каждое мало-мальски чуткое ухо не могло не чувствовать, что в этой как бы намеренной безстрастности глуховатого голоса, не освещавшего и не оттенявшего ни одного слова стихов, таится тончайшие модуляции.

Но — читка Блока и могла быть, повторяю, только у Блока. И была она частью одного прекрасного и гармоничного целого, которое составляла и наружность поэта, и самые стихи, и его незабываемый голос.

Читка же «под Блока» будет, конечно, явной нелепостью»¹¹.

Эта характеристика тем более любопытна, что Кривич с детства привык к другому, противоположному типу произнесения стиха — к манере И. Ф. Анненского, о которой рассказывал М. А. Волошин: «Чтение Иннокентия Федоровича приближалось к типу актерского чтения. Манера чтения была старинная и очень субъективная (говорил Иннокентий Федорович всегда как бы от своего имени); вместе с тем его чтение воспринималось в порядке *игры*, но не в порядке отрешенного чтения, как у Блока. Чтение сохраняло бытовой характер. . .»¹². Описание Кривича интересно и тем, что оно явно сложилось под впечат-

лением высказываний его отца, и в какой-то степени, по-видимому, эти высказывания цитирует. Сам И. Ф. Анненский в статье «О современном лиризме» писал о Блоке: «...голось кокетливо, намеренно бесстрастный, белый, таит, конечно, самые нежные и самые чуткие модуляции»¹³.

Первое письмо Кривича к Блоку — документ, характерный для исполнявшейся Блоком в течение пятнадцати лет роли поэтического арбитра. Эпизодические обращения к Блоку с просьбой дать авторитетную оценку тех или иных стихов прослеживаются уже в 1906 г. — так, Е. Я. Архипов в письме от 26 октября 1906 г. спрашивал о посланной вместе с письмом книге Андрея Звенигородского «Delirium tremens»: «Как смотрите Вы? Каков укажете место? Под какое влияние поставите эти стихи?»¹⁴ С весны 1907 г. Блок, по ощущению современников, стал «модным»¹⁵, и с этого времени к нему все чаще обращаются как к «эксперту» — так, по просьбе Т. Н. Гиппиус, он разбирает «записки» Дмитриева (VIII, 182—183). 28 сентября 1907 г. он пишет матери: «Ходят ко мне поэты за советами. . .» (VIII, 210). 27 ноября того же года: «. . .ко мне приходят, помимо приглашателей на концерты, от которых я стал отказываться, — начинающие писатели. Я им даю советы, чувствую, что здоровые и полезные, они рассказывают о публике, о провинции: люди иногда простые, всегда — бездарные» (VIII, 218)¹⁶. Судя по письмам к Блоку в его архиве, число подобных обращений особенно возросло в 1909 г.¹⁷, — к этому в ремени в России вообще увеличилось количество стихотворцев, и Блок писал в конце 1908 г.: «Стихи можно отныне мерить фунтами и пудами» (V, 646). Отчасти этот приток писем начинающих поэтов объясняется и тем, что Блок стал выступать со статьями на литературные темы в такой распространенной газете, как «Речь»¹⁸. Проблемы, стоявшие перед большинством молодых поэтов в тот период, наиболее отчетливо сформулированы в письме одного из них — А. А. Масаинова¹⁹. «Можно быть и тем, и другим, — говорят мне, — и на досуге заниматься поэзией, я же этого признать и совместить никак не могу. Тут я держусь брандовского девиза — или все, или ничего, и хочу «вытравить» из души все призвания и «галакты», кроме одного, чтобы в конце концов не сделаться жалким дилетантом»²⁰. Вынося суждение, Блок соотносил его с биографией начинающего автора. 30 марта 1909 г. рижанин Н. Т. Власов, человек из демократической среды, писал Блоку: «Ко многим литераторам я обратился за советом, но мне все отказывали, всем некогда, и только Вы один не отказали мне и дали оценку моим стихам. Но оценка эта нерешительная, как Вы и сами говорите, т. к. Вам ничего неизвестно из моей жизни»²¹. Но известны и вполне решительные оценки Блока. 4 марта 1909 г. М. Муравская-Уманская из Одессы прислала Блоку на отзыв семь стихотворений. Из второго ее письма от 8 апреля 1909 г. явствует, что Блок посоветовал воздержаться от публикаций (стихи М. Муравской-Уманской печатались в одесских газетах)²². 18 марта 1909 г. Блок, по-видимому, ответил Л. И. Семилуцкой на просьбу дать отзыв о стихах, — на ее письме в этот день он пометил: «Не относятся к искусству»²³. В 1909 г. посылали свои стихи на отзыв Блоку Б. В. Нейман (впоследствии видный советский литературовед)²⁴, Николай Агнiewicz²⁵, ставший впоследствии профессиональным поэтом, и другие²⁶.

Блок разбирал и оценивал сочинения начинающих, «как и все, что он делал, вдумчиво, честно и поэтично»²⁷. Кривичу он ответил 2 апреля 1910 г.: «Конечно, Вы правы. Не в том беда, что она не владеет размерами, рифмами, цезурой, а иногда и русским языком, а в том, — что ее чистая, девическая душа похожа на десятки других. Ее роль в жизни, а не в поэзии, пусть вдохновляет нас, нам слишком нужна чистота» (VIII, 305—306). То, что Блок перевел разговор с «поэзии» на «жизнь», — очень характерно для его настроений весны 1910 г. Через десять дней после письма Кривичу он писал А. Д. Скалдину по поводу присланных последним стихотворений: «Не требуйте от меня критики, сопровождаемой оценками и видами на будущее, в этом я сейчас просто не судья»²⁸. Однако такое уклонение от «словесности» при оценке молодых авторов встречается у Блока и в другие периоды его жизни. Например, 3 ноября 1913 г. он писал В. Н. Княжину о стихах Савицкого: «Вы пропустили еще несколько плохих рифм и ударение («рв́алась»). Вообще же, по-моему, обратили слишком много внимания. Все, что можно сказать, — что душа чистая, но, должно быть, лет ей немного, что-нибудь вроде 17-ти; говорит о своих годах об утрате надежды. Лучше бы писал, да и писал, не показывая никому, кроме своей матери, если есть она»²⁹. Сравн. отзыв, написанный Блоком в бытность его членом приемной комиссии Союза поэтов в 1920 г.: «Стихи Ш-р. — для домашнего обихода, совсем дилетантские,

неумелые, слов много, а настоящего — ни одного. Такие же и переводы. Все это мило и чисто, но страшно безвкусно; ей надо быть хорошей девушкой, а поэта из нее не выйдет»³⁰. Суровая доброта этих отзывов заставляет вспомнить слова М. М. Пришвина о Блоке: «Вот кто единственный отвечал всем без лукавства и, по правде, вот был истинный рыцарь»³¹.

Второе из публикуемых писем Кривича связано с предысторией взаимоотношений Анненского и Блока — в частности с тем, что Блок когда-то рецензировал первую книгу стихов Анненского «Тихие песни», не зная еще, кто скрывается за псевдонимом «Ник. Т-о».

Рецензия Блока на «Тихие песни» была напечатана в «Понедельнике газеты «Слово» 6 марта 1906 г., но написана значительно ранее — для журнала «Вопросы жизни». В редакцию этого журнала книга была прислана для отзыва, и, видимо, заведовавший критическим отделом Г. Чулков, которого книга поразила «глубокой меланхолией и благородной сдержанностью стиля и тона»³², предложил Блоку ее рецензировать. 19 июля 1905 г. Блок писал Чулкову: «Ужасно мне понравились «Тихие песни» Ник. Т-о. В рецензии старался быть как можно суше; но, мне кажется, это настоящий поэт, и новизна многого меня поразила» (VIII, 132). Но в «Вопросах жизни» рецензия не была напечатана³³. После прекращения издания журнала, вместе с рядом других рецензий отзыв о книге Анненского был возвращен Блоку, который передал его П. П. Перцову в литературное приложение к газете «Слово». Для «Слова» Блок также собирался писать рецензию и на «Книгу ограждений» Анненского³⁴.

Отзыв на «Тихие песни» Блок впоследствии ставил себе в заслугу, когда С. Городецкий обвинил символистов в том, что не они увенчали Анненского³⁵. Еще более близок стал Анненский Блоку после «Кипарисового ларца», о чем и писал Блок Кривичу в ответном письме 13 апреля 1910 г. (VIII, 309). Рецензию в газету Блок писать отказался, стараясь вообще в эту весну «отойти от статей, хотя бы временно»³⁶, но «невероятная близость переживаний» с поэзией Анненского впоследствии давала себя знать в прямых цитатах из его стихов³⁷. Подробный анализ взаимоотношений поэтических систем Анненского и Блока проделан П. П. Громовым³⁸.

Письма Блока к Анненскому (VIII, 151—152, 163), как отмечает М. Дикман, проникнуты «чувством большой душевной близости и глубоким уважением» (VIII, 547); однако, конечно, литературные взаимоотношения двух великих поэтов не были безоблачными. «Капризная» по стилистическому заданию статья Анненского «О современном лиризме», где сравнительно много места было уделено анализу поэзии Блока (эта часть статьи напечатана в ноябрьском номере «Аполлона» за 1909 г.), вызвала раздражение последнего. 23 ноября 1909 г., за неделю до смерти Анненского, Блок писал матери: «Анненский на этот раз действителъно» до противности вульгарен» («Письма к родным», I, с. 289). Как видим, первоначально отрицательная оценка статьи исходила от А. А. Кублицкой-Пиоттух; еще ранее, после публикации первой части статьи, Блок в письме к матери от 28 октября 1909 г. разъяснял: «Анненский — царскосельский» («Письма к родным», I, с. 279).

Анненский в этой статье писал о Блоке уважительно и сочувственно, называл его «первым свободным лириком», но вообще к поэзии Блока он предъявлял и упреки, которые можно было усмотреть и сквозь «размытую», «импрессионистическую» форму его критической прозы и которые четче были выражены в его четверостишии к портрету Блока:

Стихи его горят — на солнце георгина,

Горят, но холодом невыстраданных слез³⁹.

В черновиках статьи Анненского была еще более рискованно-двусмысленная формула: «Эмблема блоковской поэзии — прекрасный павлин, когда он распустил свой великолепный павлиний хвост»⁴⁰. Современный исследователь пишет об этой статье: «Только об одном поэте — о Блоке — Анненский высказался с безоговорочным восхищением, взяв под защиту от обывательской критики некоторые остро непривычные, эксцентрические по своему времени образы «Незнакомки»⁴¹. Снятие фразы о «прекрасном павлине» в окончательной редакции текста подтверждает бережное отношение Анненского к Блоку, но о «безоговорочном восхищении» говорить не приходится — критик не случайно назвал Блока «лукавым»⁴², и соответственно «лукавством» окрашена и его характеристика. Отсюда и неприязненная реакция Блока. Что же касается полемики с обывательской критикой, то для Анненского эта проблема стояла особенно остро — его царскосельское окру-

жение относилось с равной враждебностью и к стихам Блока, и к его собственной лирике. А. Ахматова свидетельствовала в одной из заметок 1960-х годов: «О таком огромном, сложном и важном явлении конца 19 и начала 20 века, как символизм, царскосельцы знали только «О закрой свои бледные ноги и «Будем, как солнце». При мне почтенные царскосельцы издевались над стихами Блока:

Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Их рупором был нововременный Буренин»⁴³.

Впервые Анненский и Блок встретились, по-видимому, у А. А. Кондратьева 30 сентября 1906 г., но еще ранее, по выходе рецензии Блока на «Тихие песни», Анненский в тот же день, 6 марта 1906 г. послал Блоку две свои трагедии — «Царь Иксион» с надписью: «А. А. Блоку в знак уважения и преданности автор (Ник. Т-о)», и «Меланиппа-философ» с надписью: «А. А. Блоку с искренним уважением автор этой книги и «Тихих песен» (VIII, 577). Блок отвечал письмом от 12 марта 1906 г., в котором, процитировав несколько стихотворений Анненского, заключал: «Это» навсегда в памяти. Часть души осталась в этом» (VIII, 152). Весной 1906 г. Блок имел возможность прочесть несколько новых стихотворений Анненского в приложениях к газете «Слово», в которых он сам активно сотрудничал⁴⁴. Вероятно, в какой-то связи со встречей у А. А. Кондратьева Анненский послал 6 октября 1906 г. оттиск своей трагедии «Лаодамия» с надписью «Александру Александровичу Блоку его поклонник» (VIII, 579). Блок поблагодарил письмом от 9 октября (VIII, 163). Из письма Анненского Блоку явствует, что он присутствовал при чтении Блоком «Снежной маски» ранней весной 1907 г.:

18. IV. 1907

Дорогой Александр Александрович,

«Снежную маску» прочитал и еще раз прочитал⁴⁵. Есть чудные строки, строфы и пьесы. Иных еще не разгадал и разгадаю ли, т. е. смогу ли понять возможность пережить? Некоторые ритмичности от меня ускользают. Пробую читать, вспоминая Ваше чтение, — и опускаю книгу на колени. . .

«Влюбленность»⁴⁶ — адски трудна, а
зеленый зайчик

В догоревшем хрустале⁴⁷ —

чудный символ рассветного утомления.

Благодарю Вас, дорогой поэт.

Ващ. И. Анненский

Посылаю письмо это поздно, затерял Ваш адрес.

И. Анненский⁴⁸

В последующие два года Анненский, избегавший общения с литературной средой, по-видимому, не встречался с Блоком. Вероятно, впрочем, что он присутствовал на докладах Блока в Литературном обществе и Религиозно-философском обществе в конце 1908 г. — отрицательная оценка этих выступлений Блока зафиксирована в письме Анненского к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 г.⁴⁹

Весной 1909 г. в жизни Анненского наступил перелом, связанный с его ближайшим участием в издании журнала «Аполлон», и он завязал знакомство с рядом поэтов-современников и стал участвовать в литературных мероприятиях. К осени 1909 г. относятся и несколько его встреч с Блоком. Помимо заседаний Общества ревнителей художественного слова⁵⁰, сеанса позирования А. Головину для группового портрета сотрудников «Аполлона»⁵¹, они встретились на обеде в честь С. Маковского, издателя «Аполлона» (первый номер которого вышел накануне), где Анненский произнес речь о «новой интеллигенции», собравшейся под сенью «Аполлона», соединяющей в себе культурный традиционализм с прогрессивностью⁵². Об этом собрании Блок писал матери 28 октября 1909 г.: «говорили хорошие речи и хорошие стихи» («Письма к родным», I, с. 278). В этот же день сделана надпись на «Второй книге отражений»: «А. А. Блоку несравненному И. Анненский. 25 окт. ября» 1909. Царское Село» (ИРЛИ). С. В. фон Штейн вспоминал еще об одной, и по-видимому, самой значительной встрече:

«Ранняя осень 1909 года⁵⁴. Мы сидим у моего близкого родственника И. Ф. Анненского на балконе его царскосельской дачи, в одной из уединенных улиц тихой Софии⁵⁴ < . . . > Сажу в угол дивана, слушаю оживленную беседу Анненского с Блоком и не предчувствую, что через три месяца, всего через три коротких месяца, жилищем вдохновенного Иннокентия Федоровича станет поэтическое царскосельское кладбище. В эти минуты внимание мое приковано к Блоку — и он открывается мне с новой стороны. Здесь, в присутствии яркой индивидуальности и мощной, неизбытой творческой силы Анненского, Блок не ступевывается, остается по-прежнему самим собой. Он внимателен к творческим замыслам своего собеседника, с интересом расспрашивает о его лекциях по античной литературе, читаемых на Высших женских курсах, но какой-то ледок замкнутости окружает его. Что это? Боязнь чужого влияния или стремление сохранить чувство собственного литературного достоинства перед восходящим литературным светилом? Кажется, ни то, ни другое, а третье: «самость», глубокая духовная законченность, но исполненная в эту минуту особенно четкой, мертвенной холодности, выступающей на ярком фоне другого, столь отличного внутреннего мира. Почувствовал это, видимо, и сам Анненский. Проводив Блока, он, вернувшись к нам, сказал: «Знаете, некоторые называют его — «красивый мертвец». А потом прибавил: «Может быть, это и правда». И глубоко задумался»⁵⁵. В день смерти Анненского Блок выехал в Варшаву, откуда 9 декабря писал жене: «Смерть Анненского, о которой я узнал только из твоего письма, очень поразила меня. На нем она не была написана — или я не узнал ее. Только что у Дризена он произнес большую и, как всегда, блестящую речь о театре, бодро и громко, как всегда⁵⁶. У него была готова публичная лекция⁵⁷ и две книги стихов⁵⁸» (VIII, 299).

В 1910-е годы Блоку по разным поводам приходилось сталкиваться с образом Анненского. Часто это было связано со стихами и письмами молодых, среди которых начало появляться все больше продолжателей и поклонников покойного поэта. Один из них, киевский поэт и филолог В. М. Отроковский, участник семинария акад. В. Н. Перетца, в котором сформировался как бы кружок поклонников Анненского (назовем Б. А. Ларина и С. А. Бугославского), посетил Блока 4 марта 1913 г. (VII, 227), и, весьма вероятно, вел с ним речь и об Анненском. В апреле того же года он прислал Блоку несколько стихотворений (в бумагах Блока сохранилось только одно из них), о которых Блок писал: «Вижу в Ваших стихах немало от Анненского, кое-что от А. Белого и от меня, пожалуй» (VIII, 417). Поэтическую программу молодого поэта Блок раскрыл точно, — в ответном письме Отроковский писал: «Вы в главном правы и справедливы; *може*т < б*ы*ть>, ошибаетесь относительно впечатлений от А. Белого»⁵⁹. И в предисловии к посмертной подборке стихов Отроковского говорилось (возможно, с его слов) о его ориентации именно на Анненского и Блока⁶⁰. Имена Блока и Анненского часто соединяли и другие поэты этого поколения. Так, Э. Геллербах писал Блоку 15 сентября 1920 г.: «Осенью со мной только стихи Блока и Анненского:

Со мною только томик Блока
И «Кипарисовый ларец».
Все остальное так далеко,
Так безразлично, наконец. . .»⁶¹

Тему личности Анненского затронул в письме к Блоку от 21 ноября 1912 г. его многолетний собеседник В. Н. Княжнин (в дневнике Блок отметил по поводу этого письма: «Очень он честный» — VII, 182). Княжнин отвечал на письмо Блока от 9 ноября 1912 г., где говорилось, что «надо умалиться» и что надо бороться с «шестидесятнической» кровью в себе (VIII, 406). Разъясняя свою позицию, Княжнин писал: «. . . я пойму человека, который «умалится», войдет в сношения с врагами, будет работать у них (не для предательства), будет дружен даже с ними, он все же будет *большим* человеком. < . . . > Примером первого, настоящего, человека служит для меня образ (не сам он, самого его я мало слишком знал, хотя чувствую — это была прекрасная душа) Иннокентия Федоровича Анненского. Его непоколебимость, его ученость, его любовь и к родине и к литературе. Он не брезговал служить инспектором округа и директором гимназии и писать рецензии на разные дурацкие учебные книжки, и в то же время быть декадентом»⁶². Можно предположить, что именно этими чертами облик Анненского мог быть близок Блоку в ту пору, когда ему самому пришлось решать проблему совмещения служебной деятельности с «бесприютным делом» художника.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. Кривич печатался с 1902 г. Его стихи 1900-х годов составили сборник «Цветотравы» (М., 1912). И. Анненский писал о них в статье «О современном лиризме». Стихи Кривича 1910-х годов, рассеянные в периодике, должны были образовать книгу «Старые стены, в свет не вышедшую. В 1920-е годы он изредка выступал в печати с новыми стихами, например, в «Записках Передвижного театра» (1923, № 55, 58, 63).

² Валентин Кривич. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. — «Лит. мысль», № 3. Л., 1925, с. 208—255.

³ См. например, письмо В. Кривича Е. Я. Архипову от 23 октября 1929 г. (ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 55).

⁴ См. в наст. кн. дневник М. А. Кузмина за 2 апреля 1907 г.

⁵ См. повестки на эти заседания, приславшиеся Кривичу (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 6).

⁶ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 111.

⁷ На вечере, кроме Блока и Кривича, выступали Г. Иванов, Д. Цензор, Вс. Рождественский, Гумилев и др. См. отчет о вечере — «Жизнь искусства», 1919, № 105, 27 марта.

⁸ Их публикации соседствовали в № 3, 6, 7, 9, 18 (20 февраля, 13 и 20 марта, 2 апреля, 26 июня 1906 г.). Ранее их стихи публиковались рядом еще в «Литературно-художественном сборнике» (СПб., 1903).

⁹ В. Кривич. Цветотравы. М., 1912, с. 73—74. Ср. эпиграф из Блока «О, исторгни ржавую душу. . .» к стихотворению «Мне даны слова и правила. . .» (там же, с. 75).

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 47, л. 7.

¹² Рассказ М. А. Волошина об И. Ф. Анненском, записанный 27 марта 1924 г. Д. С. Усовым и Л. В. Горнунгом (сообщено Л. В. Горнунгом).

¹³ Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979, с. 361.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 24, л. 2 об. Ответ Блока Е. Я. Архипову. — «Знамя», 1964, № 1, с. 196—197.

¹⁵ В. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 126.

¹⁶ Иногда стихи были только поводом для беседы с Блоком. «Я, бедный, неведомый поэт, поклонник Ваших творений, Вашей Снежной Маски, такой же паук, склонившийся перед своей Прекрасной Дамой, — я очень прошу не отказать мне познакомиться с Вами. Мне только хочется увидеть, поговорить с Вами, многоважаемый Александр Александрович! <. . .» Если хотите, могу принести стихи, — но я их не ценю — разве они нужны для того, чтоб Вы скорей узнали, с кем имеете дело, — писал Блоку К. Э. Гриневич (впоследствии — искусствовед) (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 229, л. 1—1 об.).

¹⁷ В июле 1908 г. Блок по просьбе знакомой ему Надежды Бернштейн (Брио) дал отзыв о ее пьесе «Цветы города» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 156). Об обращении А. И. Белецкого к Блоку см. наст. кн., с. 385.

¹⁸ Ср. в письме А. А. Масаинова, относящемся, по-видимому, к 1910 г. и сопровождающем присылку альманаха «Ручьи» (СПб., 1910): «Очень были бы благодарны, если бы упомянули о дарованиях моих других товарищей по сборнику, т. к. не надеемся, что дадите отзыв в печати, что, конечно, было бы верхом нашего блаженства» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 324, лл. 2—2 об.).

¹⁹ Впоследствии А. А. Масаинов выступал со стихами в эгофутуристских альманахах, объединившись с И. Северяниным, и сотрудничал как журналист в «Речи» и других изданиях. Издал ряд книг в эмиграции в 1920-х годах.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 324, л. 1.

²¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 198, л. 1.

²² Одесская корреспондентка сообщила о себе, что ранее она писала «одному из наших известных поэтов», но тот не ответил, что ей 19 лет, стихи пишет с 15-ти, что два года назад узнала о существовании символической поэзии и стала читать Брюсова, Бальмонта, Блока. Стихи, посланные ею, однако, ориентированы на досимволистскую литературную продукцию — ср. характерные заглавия и зачины: «Ослепленные грезы» («Челнок моих грез был печальным и утлым. . .»), «Набежали // Беспощадные волны желаний страстных. . .» и т. п. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 343).

²³ Письмо Л. И. Семилуцкой Блоку — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 398; «День поэзии 1972», М., 1972, с. 273.

²⁴ Письмо Б. В. Неймана Блоку совпадало с его дебютом в печати как поэта — в киевском альманахе «Голубые дали». К Блоку он обращался как к «дорогому учителю» и признавался: «Я только плохое зеркало, отражающее Вас». Блок ответил ему 24 июня 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 51, л. 1). Блок писал в связи с обращением Б. В. Неймана матери: «Здесь — груды книг и писем — все, как полагается: и две барышни, объясняющиеся в любви, и начинающий поэт, и прочее» (22 июня 1909 г. — «Письма к родным», I, с. 273).

²⁵ Письмо Диодора Смирнова Блоку от 14 января 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 64).

²⁶ К 1909 г. относится записка К. Козловского, пославшего Блоку свою рукопись и испрашивавшего мнения Блока «в самых общих чертах» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 156). В 1909 г. Блок также писал Бенедикту Лившицу (письмо не разыскано — Александр

Блок. Переписка». Аннотированный каталог, вып. 1. М., 1975, с. 478). Обращение Б. К. Лившица к Блоку было, по-видимому, связано с его первым выступлением в печати (цикл стихов в «Антологии современной поэзии», вышедшей в Киеве в 1909 г.). В автобиографии 1931 г. Б. К. Лившиц вспоминал: «За исключением двух-трех стихотворений Блока, вошедших впоследствии в «Нечаянную радость», мне ничего не нравилось из того, что писали тогда о современности наши поэты» (ЦГАЛИ, ф. 341, оп. 2, ед. хр. 3, л. 3). Критика часто отмечала влияние Блока на поэзию Б. Лившица (см., например: Ан. Ч е б о т а р е в с к а я. Зеленый бум. «Небокопы», СПб., 1913, с. 8).

²⁷ М. Кузмин. Театр актера. «Театр», 1924, № 7, с. 1.

²⁸ «Письма Александра Блока», с. 184.

²⁹ Там же, с. 203. Речь, по-видимому, шла о рукописи, изданной позднее: Дмитрий Савицкий. Песни любви и страданий. Пг., 1915.

³⁰ «Памяти Блока». Изд. 2-е, Пб., 1923, с. 68.

³¹ Михаил Пришвин. Записки о творчестве. — «Контекст-1974». М., 1975, с. 326.

³² Георгий Чулков. Годы страстивий. М., 1930, с. 189. За год до того «Тихие песни» были присланы в «Новый путь» (№ 4, 1904, с. 224), но удостоены отзыва не были.

³³ Ср. письмо Блока к матери от 29 августа 1905 г. («Письма к родным», I, с. 138).

³⁴ П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922, с. 47—49.

³⁵ «И удивительно ли, что символы одного из благороднейших своих деятелей проглядели: Иннокентий Анненский был увенчан не ими» (С. Городецкий. Некоторые течения в современной русской поэзии. «Аполлон», 1913, № 1, с. 47). Блок пометил на полях: «Анненский, еще никому не известный и писавший под псевдонимом «Никто», был отмечен Брюсовым в «Весах» и мной в газете «Слово» в 1906 году» (V, 781).

³⁶ Письмо Блока к одному из редакторов «Речи», М. И. Ганфману, от 9 апреля 1910 г. (ЦГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, ед. хр. 106).

³⁷ Например, в стихотворении «Пусть я и жил, не любя. . .» (III, 224, 576). Вопрос о «цитатах» из Анненского у Блока подробно еще не рассматривался. Здесь укажем только на возможную связь «Конца осенней сказки» Анненского:

Там и сям сочатся грозди
И краснеют. . . точно гвозди
После снятого Христа.

и «Осенней любви» Блока:

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладошь последний гвоздь (II, 263).

³⁸ П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. М.—Л., 1966, с. 218—235.

³⁹ Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Л., 1959, с. 219.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 135, л. 125.

⁴¹ А. В. Федоров. Стиль и композиция критической прозы Иннокентия Анненского. — Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 565.

⁴² Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 348.

⁴³ ГПБ, ф. 1073.

⁴⁴ Их публикации совпали в № 2, 4, 6, 8, 9, 10, 13. Отметим, что к стихам Анненского даже после раскрытия псевдонима сохранилось отношение как к стихам начинающего. Так, 5 апреля 1906 г. Брюсов писал редактору приложений «Слова» П. Перцову: «Ваш Никто и однообразен, да и точностью рифм очень уж брезгает» («Печать и революция», 1926, № 7, с. 115). На этом фоне позиция Блока значительно ближе к оценке стихов Анненского по достоинству.

⁴⁵ См. дарственную надпись Блока Анненскому — наст. том, кн. 3.

⁴⁶ II, 223.

⁴⁷ Из стихотворения «Под масками» (II, 236). Эта символика была близка Анненскому. Ср. в его стихотворении «Тринадцать строк»:

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они. . .

(Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии, с. 162).

⁴⁸ Это письмо публиковалось дважды с неверной датой и неправильным прочтением третьего и последнего предложений («Труды по русской и славянской филологии», вып. 4. Тарту, 1961, с. 306; Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 476). Автограф — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 131.

⁴⁹ Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 485.

⁵⁰ См. воспоминания В. Н. Княжнина в кн.: «Судьба Блока». Л., 1930, с. 139.

⁵¹ 19 ноября 1909 г. См. письмо Блока к матери от этого дня («Письма к родным», I, с. 286).

⁵² С. Маковский. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962, с. 144. На этом обеде присутствовали также Чулков, Сюннерберг, Бакст, Ауслендер, А. Н. Толстой, Вяч. Иванов, Мейерхольд, Кузмин, Н. Евреинов, Л. Велихов, О. Дымов, А. Оссовский, Г. Лукомский, А. Трубников, В. П. Белкин, К. Евсеев, С. Маковский, Е. Зноско-Боровский, Гумилев, И. фон Гюнтер (см. автографы на обороте печатного меню этого обеда — ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 6, л. 63 об.). Двое последних также выступали с речами (Johannes von Guenther. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München, 1969, S. 283).

⁵³ Блок приехал из Шахматова в Петербург 30 сентября 1909 г. — см. письмо Блока Д. В. Философову от 2 октября 1909 г. (ГПБ, ф. 814, ед. хр. 37, л. 1). Это подвергает датировку С. В. фон Штейна некоторому сомнению.

⁵⁴ София — район Царского Села.

⁵⁵ Сергей Штейн. Воспоминания об Ал. Блоке. — «Последние известия», Ревель, 1921, № 203, 21 августа.

⁵⁶ Об этом выступлении Анненского на первой «среде» 25 ноября 1909 г. у барона Н. В. Дризеня вспоминала Л. Гуревич: «Он был оживлен, внимательно слушал и, в качестве председателя, быстро записывал суть того, что говорили ораторы, — потом, рассыпая изысканные комплименты, резюмировал прения» (Л. Г. Памяти И. Ф. Анненского. — «Русская мысль», 1910, № 1, 2 отд., с. 166). Темой этого собрания было — «Литература и театр», с докладами выступали Л. Я. Гуревич и Н. Н. Евреинов (см. приглашительное письмо Н. В. Дризеня Блоку от 20 ноября 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 30, л. 4). Судя по беглому конспекту прений, несомненно относящемуся к этому заседанию и сохранившемуся в бумагах Анненского, Блок в обсуждении докладов участия не принял. Выступали: М. Волошин, Е. М. Беспятов, С. Маковский, А. И. Гидони, Ю. Э. Озаровский, В. В. Сладкопеев, К. И. Арабакин (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 273).

⁵⁷ Лекция «Об эстетическом критерии» должна была состояться 11 декабря 1909 г. в Литературном обществе.

⁵⁸ Перед самой смертью Анненский готовился сдать в печать сборник «Кипарисовый лапидар». О проектах другой стихотворной книги свидетельств не сохранилось.

⁵⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 355, л. 3.

⁶⁰ «Голос жизни», Киев, 1918, № 9—10.

⁶¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220. О любви к Блоку и Анненскому писал Блоку в 1918 г. и художник-передвижник А. Н. Выевжев (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 205).

⁶² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 274, л. 8.

1

28 марта 1910. Царское Село

Многоуважаемый Александр Александрович,

несколько дней тому назад один знакомый принес мне тетрадь стихов какого-то родственного ему подростка с просьбой сказать свое мнение и, главное, узнать Ваше мнение об этих стихах. Просмотрев тетрадь — я откровенно посоветовал знакомому рекомендовать поэтическому подростку заняться выпиливанием, выжиганием, фотографией — или каким-нибудь спортом — и плотно закрыть чернильницу, сказав при этом, что, может быть, в данном случае достаточно и моей маленькой компетенции и не стоит беспокоить Вас. Но знакомый и подросток во что бы то ни стало хотят знать Ваше мнение о стихах. Мне очень совестно — но покоряюсь и очень прошу Вас пробежать тетрадь, которую одновременно с этим посылаю заказной бандеролью, и черкните (нисколько не стесняясь) мне 2 слова Вашего *беспристрастного* мнения, чтобы я мог сказать его просителю¹.

Тетрадь верните.

Очень и очень буду Вам благодарен.

На днях рассчитываю получить из «Грифа» экземпляры «Кипарисового Ларца» и, конечно, тотчас же направлю Вам экземпляр.

Искренно Ваш Анненский

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 30.

¹ В материалах личного фонда В. Кривича в ЦГАЛИ не сохранилось указаний на имена «знакомых» и «подростка».

2

12 апреля 1910 Царск(ое) Село, Захаржевская 6

Многоуважаемый Александр Александрович.

Заезжал сегодня к Вам — получил от Митюрникова экземпляры «Кипарисового Ларца» и хотел вручить Вам книгу лично¹.

Так жалел, что не застал Вас. Хотелось поговорить и лично передать Вам мою большую просьбу: может быть, дадите о «Ларце» отзыв в «Речи»?² Вы, именно Вы.

Стихи свои отец любил особенной, какой-то болезненной и ревниво-чуткой любовью — «так любит мать и лишь больных детей». . .³ — хотелось бы видеть об этой выношенной, так долгожданной им книге⁴ отзывы писателей, мнения которых его интересовали, над творчеством которых он думал и творчество которых он любил.

«Кипарисовый Ларец» (я смотрю совершенно объективно) со своим прощеским заключением — «Моя тоска»⁵ — книга несомненно интересная, вся «своя» и как-то вся проникнутая трагической судьбой этого яркого, гордого, одинокого и неразгаданного, — сгоревшего в своем огне человека.

Книгу высылаю одновременно с письмом — и, конечно, совершенно независимо от просьбы об отзыве!

«Тихие» песни пришлю непременно, в самом скором времени: не могу найти сейчас тех нескольких чистых книжечек, которые у меня есть⁶.

Крепко жму Вам руку. Искренно Ваш В. Анненский

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 30. Частично процитировано в примечаниях М. И. Дикман к письму Блока В. Кривичу от 13 апреля 1910 г. (VIII, 602).

¹ Митюрников — владелец книжного магазина в Петербурге. «Кипарисовый ларец» вышел в свет в Москве в издательстве «Гриф» 6 апреля 1910 г. Экземпляр сохранился в библиотеке Блока (ИРЛИ). Дарственная надпись: «Александр Александровичу Блоку от Валентина Кривича на память о его ушедшем отце. IV. 910. СПб.». Заглавие стихотворения «Дальние руки» (с. 74) подчеркнуто в этом экземпляре синим карандашом.

² Рецензию на «Кипарисовый ларец» для «Речи» написал Г. Чулков. — «Речь», 1910, № 126, 10 мая.

³ Неточная цитата из стихотворения И. Анненского «Третий мучительный сонет».

⁴ О пятилетней работе над составлением сборника и попытках его напечатать см.: Р. Тименчик. О составе сборника Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец». — «Вопр. лит.», 1978, № 8, с. 307—308.

⁵ «Моя тоска» — последнее стихотворение Анненского, написанное за 18 дней до его смерти.

⁶ В письме от 2 апреля 1910 г. Блок просил прислать ему экземпляр «Тихих песен» («У меня кто-то стянул» — VIII, 306).